
Оглавление

<i>Предисловие</i>	7
<i>Глава 1.</i> Строительство империи	9
Государь-инженер	9
«Регулярное» государство	13
«Эпоха дворцовых переворотов» (1725–1762)	24
Парламентарии Екатерины Великой:	
Уложенная комиссия 1767 г.	32
«Законная монархия» Екатерины II	39
«Непросвещенный абсолютизм» Павла I	46
Имперская бюрократия	49
Государство и Церковь	56
Финансы	67
Державная культура	79
Литература	100
<i>Глава 2.</i> Общество века реформ	101
«Благородное дворянское достоинство...»	103
Чин духовный	117
«Крестьянское житие»	124
Крепостное право	131
«Среднего рода люди»	138
Челобитчики и бунтари	147
Литература	160
<i>Глава 3.</i> Имперское хозяйство	161
Индустриальный рывок	161
Капитализм из-под палки	175

Кредит и банки	183
«Революция цен» и ее последствия	190
Литература	205
<i>Глава 4. «Гром победы, раздавайся...»: дипломатия, армия и внешняя политика России</i>	206
Дипломатическая служба	206
«Государство при армии»	212
Борьба за Балтику	223
Враги и союзники	228
К теплым морям	240
Гибель Речи Посполитой	253
«Париж государю!»	259
Кто и как присоединялся к России	262
На дальневосточных рубежах	277
Литература	283
<i>Послесловие</i>	284
<i>Контрольные задания</i>	287
<i>Приложение</i>	310

Предисловие

Эта книга посвящена российскому XVIII столетию. В свое Новое время Россия, по словам Пушкина, вошла «при стуке топора и при громе пушек». Споры вокруг реформ Петра I продолжаются более двухсот лет – слишком противоречивыми были преобразования и их последствия. Однако надо отметить, что и во время осуществления, и после этих реформ историческое развитие России сохранило своеобразие, а процесс преобразований не завершился в петровское царствование, а продолжался, более или менее интенсивно, на протяжении всего столетия.

Именно в это время Россия сформировалась как имперская держава с модернизированным административным устройством, оформилась ее социальная структура, принципиально изменилась роль страны в международных делах, появился современный тип светской культуры – но одновременно обозначились экономические, социальные, межнациональные проблемы, которые так или иначе должны были решаться в будущем.

Профессиональному историку как будто легко ориентироваться в относительно недавнем прошлом. Во-первых, потому что документы хорошо сохранились по сравнению со Средневековьем; многие из них давно опубликованы и введены в научный оборот. Во-вторых, как отметил А.Б. Каменский, «люди XVIII в. жили в начале той исторической эпохи, завершение которой происходит сейчас на наших глазах. И значит, по образу мышления, по восприятию окружающего мира они нам ближе, чем люди, жившие до них, и у нас больше шансов понять их»; в мемуарах, дневниках и письмах они не только рассказали о событиях, современниками которых являлись, но и выразили свои мысли, представления, переживания – все то, что можно назвать «духом времени».

Но эти доступность и относительная изученность создают иллюзию полноты наших знаний, тогда как в реальности они нередко основываются на стереотипных представлениях, восходящих в значительной степени еще к той самой эпохе, а затем получивших развитие в дореволюционной и советской историографии. В науке же многие события и процессы в истории России XVIII в.

Предисловие

понимаются далеко не однозначно – не говоря уже об идеологической ангажированности исторического знания и заполонившей телевидение и книжные прилавки откровенной халтуре.

Отсюда вытекает и задача этой книги: дать студентам дополнительную информацию по недостаточно освещенным в школьных учебниках темам, познакомить с новыми разработками отечественной и мировой исторической науки, пояснить реальные сложности и противоречия в понимании прошлого нашей страны. Ее особенностью является сочетание хронологически-последовательного изложения материала в рамках истории России раннего Нового времени со «сквозным» освещением развития различных сфер общественной жизни в условиях модернизации XVIII в.

В *первой главе* рассматривается формирование основных политических институтов: верховой власти, системы центрального и местного управления, финансов; во *второй* – развитие социальных групп: дворянства, духовенства, крестьянства и городских слоев, а также проблема крепостничества; в *третьей* – особенности и динамика развития российской экономики; в *четвертой* – основные направления и итоги внешней политики, условия присоединения к империи ряда ее окраин. Данные проблемы изображаются в виде единого процесса на протяжении всего столетия, поскольку именно связь между разными эпохами, осмысление разрозненных событий представляет трудность для понимания цельности отечественной истории.

Заключительная часть пособия представляет собой задания для закрепления изучаемого материала. Студентам предлагается осмыслить содержание приведенных документов и ответить на вопросы, требующие понимания и усвоения изложенных в пособии сведений.

Глава 1

Строительство империи

Государь-инженер

Зимой 1697 г. в Москве готовилось «Великое посольство» с целью укрепить союз европейских стран против «салтана турского, хана крымского и всех бусурманских орд». Среди ехавших обучаться морской науке волонтеров под именем Петра Михайловича скрывался Петр I (1689–1725). Он хотел получше разглядеть западный мир с его деловой жизнью, морской торговлей, науками и искусствами, уголок которого увидел в московской Немецкой слободе.

В основе структурного кризиса Московского государства XVII в. лежало нараставшее отставание России от стран Европы; попытки выхода из кризиса порождали в правящих кругах как реформаторские настроения, так и оппозицию им. Приведший юного Петра I к власти переворот 1689 г., вопреки обычным представлениям, был не победой молодого реформатора над косным боярством, а консервативной реакцией на умеренно «западническую» политику царя Федора Алексеевича (1676–1682) и царевны Софьи.

«Первый министр» царевны князь Василий Васильевич Голицын много потрудился, чтобы сформировать коалицию европейских стран для борьбы с Османской империей. По сообщениям иностранных дипломатов, князь готовился создать регулярную армию, ликвидировать государственные монополии и даже отменить крепостное право. Голицын стал первым из плеяды официальных фаворитов при «дамских персонах». Если бы князь пришел в политику несколькими годами позже, он вполне мог бы стать соратником Петра. Но в 1689 г. они оказались «по разные стороны баррикад». Привлечение иностранцев и попытка

устройства университета вызвали недовольство Церкви. Неслучайно Петра в конфликте со старшей сестрой поддержал патриарх Иоаким, сразу же потребовавший изгнания из России иностранцев. В своем завещании патриарх умолял царя разорить «еретические» храмы и исключить возможность православным с иноверцами «общения в содружестве творити». Но молодой царь не оправдал надежд предстоятеля: Церковь была вынуждена смириться с уменьшением своей роли в политической жизни страны. И все же прошло несколько лет, прежде чем Петр понюхал пороха в Азовских походах (1695–1696) и приступил к преобразованиям.

За границей молодой царь и его окружение, не скованные рамками посольского этикета, знакомились с разными сторонами жизни западноевропейского общества. Они общались с коронованными особами, их министрами – и мастерами, торговцами, моряками, епископами, врачами, актерами. Петр с одинаковым энтузиазмом работал на верфи, посещал мануфактуры, монетные дворы, театры и больницы, повышал квалификацию в качестве инженера-кораблестроителя и артиллериста, сидел в портовых кабаках и наблюдал за публичными казнями. Царь веселился в духе времени, но после этого вел переговоры, наблюдал морские маневры, ознакомился с Оксфордским университетом, заглянул в парламент: «Царь московский, не видавший еще до тех пор собрания парламента, находился на крыше здания и смотрел на церемонию через небольшое окно».

Петр воспринял западный мир как сложную машину, набор технических приемов и форм, которые надо как можно скорее использовать на родине. Другое дело, мог ли он адекватно понять основы качественно иных политического устройства, социальной структуры, взаимоотношений власти и подданных. Едва ли. Короткие письма Петра той поры предельно скучны и сообщают только о делах: найде мастеров, закупке оружия, заказах промышленной продукции, переездах и встречах. Да и сам он до конца жизни оставался истинным самодержцем, не знавшим сомнений в своем праве казнить и миловать подданных. Но все же государь пошел на разрыв со многими «московскими» традициями. У него был и личный счет к прошлому: на глазах десятилетнего Петра во время стрелецкого восстания 1682 г. погибли знатнейшие бояре, в том числе братья его матери-царицы; такой он навсегда запомнил прежнюю Русь.

Отсюда и темпы реформ. На следующий день после прибытия из-за границы самодержец лично обрезал бороды потрясенным боярам и приказал «всем служилым, приказным и торговым людям» носить иноземное платье. Указами вводилось новое летосчисление – от Рождества Христова – вместо предыдущего, от сотворения мира. С набором рекрутов началось формирование новой армии. Реформа 1699 г. лишила воевод судебной власти над горожанами и разрешила последним выбирать свои органы – бургомистерские избы (правда, за милость надо было расплачиваться двойным размером податей). Началась подготовка нового свода законов.

По мнению современников, Петр обладал огромным запасом энергии, «необыкновенной любознательностью», целеустремленностью и вместе с тем практическим трезвым умом, умел использовать обстоятельства и выбирать людей – не многим правителям удавалось собрать вокруг себя столько одаренных и на все способных помощников. Царь вставал в пять часов утра, большую часть жизни проводил в бесконечных переездах и, кажется, совсем не умел расслабляться – отдыхом ему служила смена занятий.

Петр отличался работоспособностью и владел разнообразными знаниями, гордился, что освоил 12 профессий: был не только матросом и плотником, но и артиллеристом, морским капитаном, инженером-кораблестроителем – в начале XVIII в. это были специальности с самым высоким техническим уровнем. А еще он мог работать токарем, часовщиком, каменщиком и даже врачом; если же его лекарское искусство приводило к смерти пациента, был способен профессионально сделать вскрытие трупа и установить ошибку в диагнозе.

Образованность и любовь к отечеству сочетались в нем с жестокостью и пренебрежением к человеческой личности. Не терпевший непрофессионализма Петр мог указать начальнику полиции на погрешности в работе палачей (у преступников «ноздри вынуты малознатно», а рвать их надо «до кости», чтобы у беглых «для лучшей поимки были знатны»). Тосканского герцога он решил порадовать изящным подарком – приказал отловить для него в тундре шесть «самоедов»-ненцев «подурнее рожищем». Русский царь и одновременно первый меценат личным примером учил соблюдать светские приличия (например, внушал прибли-

женным, что нехорошо во дворце валяться на кровати в грязных сапогах) – и... рубить головы восставшим стрельцам, а в гневе был способен на убийство.

На первом месте для него были процветание и могущество государства как движущей силы общественного прогресса и главного условия благосостояния подданных, кои не всегда разумны и усердны. До конца жизни он демонстрировал собой образец служения державе, реально и последовательно исполняя воинский долг в чинах от бомбардира до генерала и вице-адмирала и получая соответствующее жалование.

Это отраженное в законодательных актах Петра I и сочинениях его сподвижников понимание составило суть идеологии реформ – идею «общей пользы» или «всеобщего блага», воплощенную в системе мер, направленных на всестороннее упрочение государства и рост его ресурсов. Здесь «общая польза» почти полностью сливалась с «государственным интересом». Таким образом, идеология петровского времени ставила знак равенства между государственными и общественными интересами и вообще не разграничивала государственную и общественную сферы жизни.

От крестьян «общая польза» требовала исправно заниматься хлебопашеством и исполнять государственное «тягло» в виде податей и повинностей, от горожан – активно участвовать в развитии торговли и промышленности, бесперебойно платить подати и пошлины, поставлять рекрутов, содержать госпитали, сиротские дома, предоставлять постой войскам. Для дворян работа на «государственный интерес» означала обязательную военную или статскую службу и овладение необходимыми для нее знаниями и навыками. Духовенство должно было заботиться о нравственном здоровье народа и содержать за свой счет увечных и дряхлых воинов, а монастыри – еще и училища. Задачей же царя было мобилизовать все социальные группы на службу государству и самому быть примером.

Этому служению Петр подчинял и личную жизнь, не щадя ни себя, ни близких. Того же требовал и от других. В 1716 г. в Копенгагене, когда царю не удалось повидать поутру своего союзника, датского короля Фредерика IV (тот проводил время с любовницей), он сделал царственному «брату» выговор, а на возражение, что он и сам имеет «метресс», ответил: «Мои шлюхи мне ничего не стоят. Но та, что содержите вы, обходится вам в тысячи

риксталеров, которые вы могли бы потратить с гораздо большей пользой». В ходе «троевременной школы», как царь называл Северную войну, он создавал задуманное им «регулярное» государство, основные черты которого обозначились на втором этапе реформ – примерно с середины 1710-х гг.

«Регулярное» государство

Петровские реформы можно назвать опытом «неорганической модернизации», продемонстрированной позднее на примерах преобразований других традиционалистских обществ. Суть ее можно в обобщенном виде определить как *рационализацию*, т. е. подведение под деятельность любого звена государственного механизма суммы разумных, целесообразных правил и норм; *унификацию*, т. е. введение единобразия в структуре, штатах, приемах работы учреждений; *централизацию* и *дифференциацию* функций аппарата управления.

Прежняя система приказов с нечеткими или пересекающимися обязанностями не могла обеспечить нужный темп реформ и мобилизовать ресурсы страны в условиях войны. К тому же перестройка армии на новых принципах сделала ненужными старые военные приказы (Стрелецкий, Разрядный, Пушкарский, Иноzemский и пр.), а создание в 1708 г. губерний – территориальные приказы (Сибирский, Казанского дворца) и принцип сбора налогов приказами по «своим» городам. Вместо Боярской думы царь в 1711 г. основал Сенат из девяти членов и обер-секретаря. После ряда реорганизаций Сенат стал постоянным совещательно-распорядительным органом в сфере законодательства и издавал указы, разъяснявшие смысл действующих законов. Ему был поручен контроль за правосудием и даны полномочия высшей апелляционной инстанции: в указе Петра от 22 декабря 1718 г. он был назван «высокоповеренным», а за попытку обжалования его приговора предусматривалась смертная казнь. В круг обязанностей Сената входили контроль за деятельностью центрального и местного управления, заведование государственным хозяйством, руководство многочисленными кампаниями, развертывавшимися в государстве (проведение ревизий, рекрутских наборов, межевания земли; изыскание новых доходов для казны; устройство

продовольственных магазинов и складов; борьба со стихийными бедствиями и т. д.).

В 1718–1721 гг. по шведскому образцу была создана система коллегий с определенными сферами деятельности по всей территории страны. «Первейшими» считались Коллегии Иностранных дел, Военная и Адмиралтейская. Камер-, Штатс-контор-, Ревизион-коллегии управляли казенными сборами и расходами; Берг-, Мануфактур- и Коммерц-коллегии ведали предприятиями тяжелой и легкой промышленности и торговлей; Юстиц-коллегия занималась судебной системой, Вотчинная – дворянским землевладением, Главный магистрат – управлением городами. Каждая коллегия имела штат: присутствие (пять-семь советников и ассессоров во главе с президентом и вице-президентом) и канцелярию. Президентами коллегий при их основании назначались русские, вице-президентами в большинстве коллегий были иностранцы. Коллегии отличались от приказов единообразным устройством, коллективным принципом принятия решений их членами и разделением дел между ними. В новых учреждениях вместо хранения документов в свитках-«столбцах» по указу царя вводилась новая система делопроизводства в тетрадной форме (листовой и книжной): «...дела до нынешнего времени писали в столбцы на одной странице и в том исходило бумаги много... А как учнут писать в лист, и на обеих сторонах тетради, расходу бумаге будет меньше».

В 1708 г. Россия была разделена на губернии (сначала на 8, в 1714 г. – на 11) во главе с губернаторами и генерал-губернаторами. В 1719–1720 гг. в составе губерний появились 45 провинций, ставшие основными единицами территориального деления: они управлялись воеводами, состояли из дистриктов (уездов) во главе с земскими комиссарами, избираемыми местным дворянством. При провинциальном воеводе появились камерир (ответственный за сбор налогов), ландбухгалтер, рентмейстер (казначай), ландрихтер (судья), контора рекрутских дел, контора розыскных дел и другие учреждения и лица, подчиненные соответствующим коллегиям; так Петр пытался создать местные органы центральных учреждений – ведомства.

Он также впервые попробовал отделить суд от администрации и создал подчинявшуюся Юстиц-коллегии систему местных судебных инстанций – городовых, провинциальных и надворных судов.

В городах формировались городовые магистраты из выборных чиновников – бургомистра и советников-ротмистров, подчинявшиеся созданному в 1720 г. Главному магистрату.

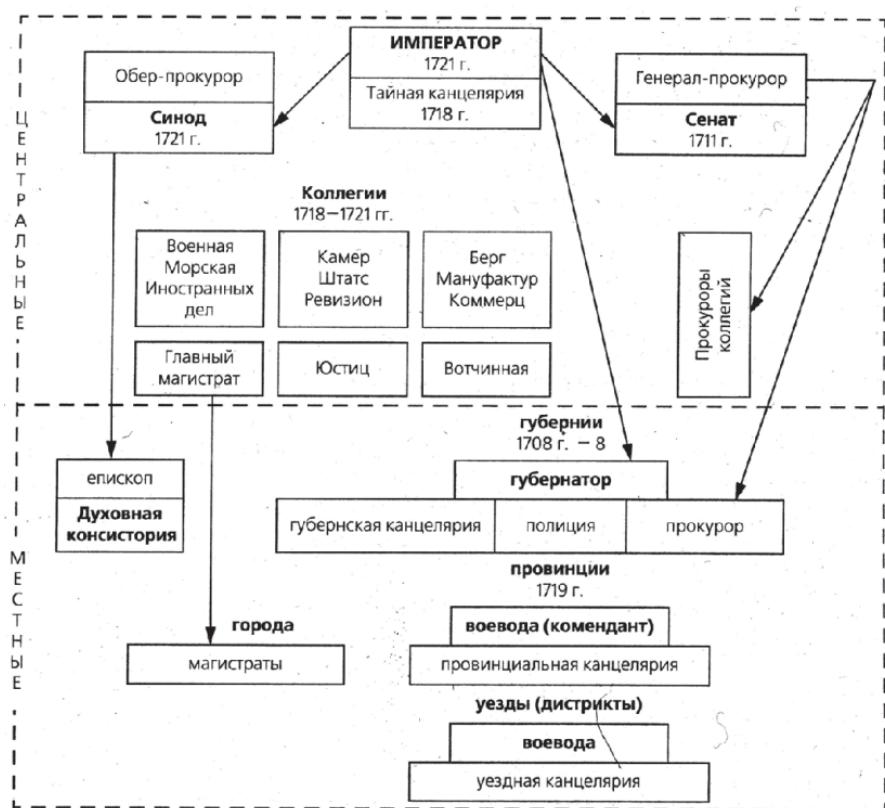

Рис. 1. Государственная власть при Петре I

Однако попытка в ходе областной реформы 1719 г. создать в губерниях и провинциях местные органы центральных учреждений не удалась. Лишь немногие новые учреждения имели достойные помещения – там за судейским столом вершили дела воеводы; за другим столом, покрытым красным или зеленым сукном, сидел секретарь; «на тех столах по чернилице с убором, указы в рамках: именуемое зерцало перед очима судящих, указы 1724 г. о ведении

законов и о почтении судейского места». Здесь же находились на полках или в шкафу «государственные права» (Соборное уложение 1649 г., «новоуказные статьи», Генеральный регламент, воеводский наказ, регламент Камер-коллегии), которыми чиновники руководствовались в повседневной деятельности. По периметру «судейской каморы» стояли лавки, также обитые сукном. Рядом была расположена «приказная камора» – канцелярия. Строения были деревянными; к «светлицам» пристраивались сени, где дожидались просители; к сеням прирубались чуланы, в которых находились архивы, кладовые и застенки.

Уездные конторы выглядели совсем непрезентабельно. В городе Данкове «на воеводском дворе хоромного строенья две горницы сосновые, облые, промеж их сены, да к ним приделаны две избы липовые, и оные хоромы покрыты соломою и весьма ветхи, в которых уже жити не без страху и не без труда». В Наровчате в 1733 г. приказная изба была ветхой, «а государевы хоромы, где живут судьи, все обвалились».

Бюрократизация всех звеньев управления (по подсчетам Е.В. Анисимова, только центральный аппарат коллегий «произвел» за последние годы петровского царствования миллион дел¹) постоянно сталкивалась с отсутствием подготовленных кадров. Результатом стало хроническое «малолюдство подъячих при многодельстве в канцеляриях» со всеми вытекавшими отсюда последствиями вплоть до определения к делам шведских военноопленных и грамотных уголовных преступников. Не способствовали производительности управленческого труда и постоянные преобразования в этой сфере. Как показал историк реформ Петра на Урале Д.А. Редин, в 1722 г. чиновники конторы одного только Арамильского дистрикта не исполнили 63% поступивших к ним указов.

Но и подданные были неспособны разобраться в компетенции новых учреждений. К тому же и те и другие не умели и не желали действовать в рамках предписанных правил. «От многолюдства от челобитчиков бывает многий крик и в дверях судейской конторы стук, и всегда ломятся необыкновенно с криком, и с бранью, и с дракою» – так проходили заседания московского надворного суда.

¹ Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 179.

При этом Петр категорически отказался от шведского образца местного самоуправления: «Ис крестьян выборным при судах и у дел не быть для того, что всякие наряды и посылки бывают по указом из городов... к тому же в уездах ис крестьянства умных людей нет».

Школой кадров для новой армии и государственного аппарата стала гвардия – ее солдаты и офицеры не только воевали и охраняли царя, но постоянно участвовали в управлении – в качестве чрезвычайных уполномоченных по финансовым, военным, контрольным и следственным делам. Другим важным рычагом при проведении реформ стала для Петра I тайная полиция – Преображенский приказ в Москве и Тайная канцелярия в Петербурге. Их ведению подлежали дела: «1) о каком злом умысле против персоны его царского величества или измены, 2) о возмущении или о бунте», – а также о хищениях казенного имущества в особо крупных размерах. Тайная канцелярия вела самый большой политический процесс той эпохи – дело царевича Алексея.

Утвердившуюся в XVII столетии идею обязательного доносительства Петр подхватил и рационализировал, желая дополнить контроль «сверху» не менее эффективным надзором «снизу». Единственным средством такой обратной связи в централизованной бюрократической системе было поощрение доносов. Он сам в 1713 г. призвал поданных доносить «о преслушниках указам и положенным законам и грабителем народа... самим нам» – государь впервые публично обязался лично принимать и рассматривать изветы. За такую «службу» доноситель мог получить движимое и недвижимое имущество виновного, «а буде достоин будет – и чин», а также рассчитывал не только на вознаграждение, но и на обретение нового социального статуса и соответствующего «ранга» в петровской государственной системе.

Утверждаемая сверху «демократичность» доноса и освящение его в качестве достойной «службы», связывавшей доносителя непосредственно с государем, послужили основанием широко распространенного добровольного доносительства. Оно-то и сделалось настоящей основой кажущегося всесилия Тайной канцелярии и сменившей ее в 1762 г. Тайной экспедиции Сената.

Эти учреждения, в отличие от позднейших органов царской тайной полиции и аналогичных по сути ведомств советского времени, насчитывали в лучшем случае три десятка человек и не

имели общегосударственных силовых структур и штата осведомителей. Но работали они бесперебойно: донос становился для власти эффективным средством получения информации о реальном положении вещей в центральных или провинциальных учреждениях, а для подданных – чуть ли не единственным доступным способом восстановить справедливость или свести счеты со знатными и влиятельными обидчиками. Часто человек шел с изветом, чтобы добиться пересмотра своего «неправо» решенного дела; другие чelобитчики жаловались на нерадивых воевод, грабящих и притесняющих местное население. Воеводы и прочие администраторы квалифицировали такие действия как бунт. Но сама верховная власть, жестоко карая «бунтовщиков», не отменяла право апелляции к себе местных «миров», видя в нем противовес коррумпированности и бесконтрольности своих агентов.

Процедура следствия по политическим делам включала многократные пытки и часто заканчивалась массовыми расправами: из 500 человек, привлеченных к делу о восстании в Астрахани, 365 были приговорены к повешению, отсечению головы или колесованию. Главный судья Преображенского приказа – жестокий, но неподкупный князь Федор Юрьевич Ромодановский – даже замещал царя во время его отъездов и сообщал ему о своей работе коротко и ясно: «Беспрестанно в кровях омыvаемся».

Разросшаяся администрация требовала постоянного контроля при сохранении приоритета «государственного интереса» над частным. Поэтому петровские указы о взяточничестве грозили «повредителям» казенной пользы смертной казнью с конфискацией имущества, а доносчик по таким делам в соответствии с указом 1713 г. мог рассчитывать на получение чина и имения виновного, тогда как за такие же «погрешения» в отношении частных лиц чиновник часто отделывался штрафом. Высшим органом надзора стал Сенат, которому была подчинена образованная в 1711 г. государственная корпорация доносителей-фискалов (по одному–два человека в каждом городе), обязанных «над всеми делами тайно надсматривать и проводывать» и доносить в центр обер-фискалу о замеченных ими должностных преступлениях. Церковные власти контролировались «духовными» фискалами – инквизиторами.

В 1722 г. был создан орган явного контроля за соблюдением законности – прокуратура во главе с генерал-прокурором Сената

(первым этот пост занял Павел Иванович Ягужинский), которому подчинялись прокуроры коллегий и провинциальных судов, имевшие право в соответствии с законом требовать пересмотра дел в учреждениях. При этом прокуроры следили за фискалами, а фискалы доносили на прокуроров.

Оформлению самодержавия способствовала наметившаяся еще в XVII в. бюрократизация государственной службы: только за 1720–1723 гг. число чиновников выросло более чем в два раза. Давно прекратился созыв Земских соборов, на которых поданные могли коллективно заявлять о своих интересах. Ликвидация патриаршего сана и появление вместо него в 1721 г. Духовной коллегии (Синода) в системе государственного аппарата означали исчезновение еще одного «противовеса» самодержавию, сохранившего относительную автономию. Опорой власти стала регулярная армия, которую Петр I считал образцом государственного устройства. В XVIII в. армия выполняла административные и полицейские функции, а ее верхушка – гвардия – контролирующие.

На службу государству царь стремился поставить всех – и «подлых», и благородных. Первые должны были платить подать, служить в армии и отбывать иные повинности без уклонения; вторые – овладевать знаниями, необходимыми для военной или гражданской службы. Петр в принципе не принимал возможность наличия в своей державе «гулящих» подданных. Сенатский указ 1722 г. предписывал учитывать даже отпущеных хозяином на волю слуг или ставших свободными после его смерти холопов – их надлежало определять в армию или в другие места, чтобы «без служеб бы никто не шатались». При Петре в России впервые появилось слово «паспорт» для обозначения документа, дававшего право на передвижение; крепостным его выдавал для ближних отлучек помещик; прочим податным людям – местные власти.

При помощи указов и инструкций царь стремился регламентировать весь обиход подданных, включая личную жизнь и чувства. Так, он обязывал великороссийских крестьян строить избы по утвержденному в 1722 г. чертежу, оставляя между домами пространство для огородов, а украинских – содержать овец по присланным правилам-«регулам». Страдать же, даже принимая наказание от несправедливого начальника, следовало «со всякой кротостию, не укоряя нимало мучителя» и не смея «лаи, досады и укоризны на власть высоку излевать». Замечательный исследо-

ватель эпохи М.М. Богословский так описывал идеал петровского «регулярства»: подданный

должен был жить не иначе как в жилище, построенном по указному чертежу, носить указное платье и обувь, предаваться указным увеселениям, указным порядком и в указанном месте лечиться, в указных гробах хорониться и указным образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в указные сроки².

«Отеческий» надзор должен был исключить саму возможность существования независимой от государства сферы человеческого поведения.

Основным инструментом для устройства «регулярной» жизни подданных Петр считал учрежденную им в 1718 г. полицию, которая

спопшествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравоучения, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных; непорядочное и не-потребное житие отгоняет, и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей; города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дорожизне и ...приносит довольство во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах и все явные погрешения, призирает нищих, бедных, больных,увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков, –

как гласил Регламент или устав Главного магistrата 1721 г. Создание «регулярного» органа – полицеймейстерских контор во главе с полицеймейстерами – в провинциальных городах произошло уже в 30-е гг. XVIII в. Они подчинялись «Главной

² Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1929 гг. М., 1902. С. 12–13.

полиции» и не зависели от местных органов управления, в том числе губернских.

«Всеобщее благоденствие» на деле оборачивалось конгломератом полярных общественных сил, когда «шляхетство» – 0,5% населения страны – владело миллионами крепостных крестьян. Родовитые дворяне приспособились к новому порядку, сохранив за собой ключевые посты, и получали военные и статские чины первых четырех классов по «Табели о рангах». А офицеры и чиновники-«разночинцы» по мере продвижения по службе усваивали взгляды и мораль своих коллег-дворян и становились верной опорой монархии.

Обилие указов и регламентов (в то время в России выходило в среднем 160 законодательных актов в год) так и не привело к созданию нового свода законов, хотя Петр I трижды созывал специальные комиссии для завершения кодификации. Бюрократический аппарат отторгал несовместимые с ним новшества: например, советник или ассессор как равноправные члены коллегии формально могли возразить президентам, но не делали этого, поскольку последними были личные друзья царя Александр Данилович Меншиков или Федор Матвеевич Апраксин. Иерархическая пирамида чиновников, ответственных лишь перед своим начальником, породила массовые злоупотребления. Еще при жизни Петра I были казнены сибирский губернатор М. Гагарин, сенатор Г. Волконский, генерал-фискал А. Нестеров; Меншиков беспрерывно находился под следствием за хищения.

Сам Петр I в 1721 г. вместе с титулом императора принял и звание «Отец Отечества» и, видимо, вполне искренне полагал себя таковым. Он провозглашал принципы «разума» и «порядка» основой строительства своего «регулярного» государства и всей жизни подданных, которых надо было наставлять «яко детей» и требовать от них беспрекословного послушания: «Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Англинская вольность здесь не у места, как к стене горох».

Идеолог петровских реформ епископ Феофан Прокопович обосновывал право монарха на контроль за частной и общественной жизнью подданных и установление «обрядов гражданских и церковных, перемену обычаев, употребление платья, домов, строения, чинов и церемоний в пированиях, свадьбах, погребениях и прочее».

Однако создать идеальную модель «регулярного» устройства общества, где стройная система государственных органов с ответственными и квалифицированными служащими на основании мудрых законов руководит всеми сторонами жизни сознательных и законопослушных подданных, как знатных, так и «подлых», не получилось.

Петровские коллегии сохраняли право суда над подведомственными лицами, сами собирали и расходовали деньги; добиться централизации финансов не удалось ни Петру, ни его преемникам. Неподчиненными коллегиям оставались полиция, почта, городское строительство, ямская служба, медицина, двор. Субординация государственных «мест» и нормальное рассмотрение дел постоянно нарушались. Рядом с Сенатом вырос созданный в 1704 г. царский Кабинет с широкими и неопределенными полномочиями: эта личная канцелярия монарха ведала его перепиской, в том числе внешнеполитической, частными доходами и расходами государя, дворцовым строительством и обустройством, представлениями к должностям и наградам. Наряду с Сенатом, хотя и в меньшем объеме, Кабинет вырабатывал правительственный курс и следил за его проведением в жизнь. Как и генерал-прокурор Сената, кабинет-секретарь получил огромный вес в бюрократическом корпусе и стал объектом «искательств» чиновников и частных лиц.

Множество рапортов и жалоб шло прямо в Кабинет, а оттуда через кабинет-секретаря А.В. Макарова выходили, минуя Сенат и коллегии, именные указы (примерно 20% от общего количества) и неустановимое количество устных распоряжений царя. Таким образом, с одной стороны, подрывался «регулярный» порядок решения вопросов; с другой – решения по поступавшим делам готовились кабинетскими чиновниками, от которых в немалой степени зависело, как и когда царю будет подана та или иная бумага. Однако заключить «работу» монарха в правовые рамки Петр I не мог, да и едва ли желал – это означало бы ограничение самого принципа самодержавия, закрепленного в Воинском уставе 1716 г.: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять». Была нарушена традиция наследования престола по прямой мужской линии – согласно уставу о престоло-

наследии от 5 февраля 1722 г., император мог сам назначать своего наследника, не будучи ограничен в выборе.

Новый механизм управления означал переход от традиционной организации власти к рациональной, попытку самодержавия осуществить модернизацию путем активного вмешательства государства в экономику и социальные отношения. Такая «перестройка» помогла мобилизовать силы страны и осуществить рывок, чтобы догнать передовые страны Западной Европы в военно-политической сфере. Но одновременно в стране утверждались крепостническая экономика, всевластие бюрократии, полицейский режим надзора и культ самодержавной власти.

Специалист по истории социальных процессов указанного периода Б.Н. Миронов характеризует политический строй России XVIII столетия как дворянскую патерналистскую монархию с лидирующей позицией дворянства в социальной организации и на государственной службе, а также попечительскими функциями государя по отношению ко всем группам подданных; в следующем столетии она постепенно трансформируется в «правомерную монархию» – низшую ступень правового государства, когда управление зиждется на законе, однако правит бюрократия при полном отсутствии или самом скучном участии общественных представителей.

Важна, однако, не столько сама дефиниция, сколько определение нескольких основополагающих черт этого государственно-политического строя.

Во-первых, это преобладание государства над обществом, этатизация (огосударствление) всех элементов «общественного» сектора. Представители власти выступают здесь в качестве правителей и наставников, а социальная активность личности либо коллектива может осуществляться только в рамках государственного служения в тех или иных звеньях бюрократического аппарата. Однако при этом вне его существуют низовые и во многом автономные «миры» крестьян и посадских и на позднейшем этапе начинают формироваться полусамостоятельные сословно-корпоративные органы дворянского и городского самоуправления, учрежденные в соответствии с «жалованными грамотами» 1785 г.

Во-вторых, для подобной политической системы характерны пробелы в публичном праве, регулирующем отношения органов власти между собой и с частными лицами и, таким образом,

уравнивающем их перед правосудием; умаление публичного права означает общественное бесправие.

В-третьих, высокий удельный вес в государственном аппарате приобретают политическая полиция и карательные органы, пользующиеся правами надзаконности и подотчетные непосредственно главе государства.

В-четвертых, такой системе присущи милитаризация государственного аппарата и распространение военных принципов на сферу гражданской жизни. Армия становится не только моделью для организации общества, но и своего рода кузницей кадров для бюрократического корпуса.

Современникам Петра особенность национального политического устройства была понятна. Побывавший во Франции Людовика XIV петровский дипломат Андрей Артамонович Матвеев был в восхищении от прогулок по «Версальской слободе» и увидел «на обеде у короля чин слово в слово весь двора московского старого». Но он же в своих записках подчеркнул и существенную разницу: «Но хотя то королевство деспотическое или самовла-дечествующее, однако самовластием произвольным николи же что делается, разве по содержанию законов и права, которые сам король, и его совет, и парламент нерушимо к свободе содержит всего народу». Поощряемое и направляемое Петром знакомство русской знати с заграницей поневоле заставляло ее сравнивать европейские порядки с отечественными.

«Эпоха дворцовых переворотов» (1725–1762)

После смерти Петра I на российском престоле за 37 лет (с 1725 по 1762) сменилось семь императоров и императриц, четверо из которых пришли к власти в результате дворцовых переворотов. Петровские реформы, укрепившие самодержавие, одновременно привели к длительной политической нестабильности. Указ 1722 г. объявил право государя отдать трон тому, кому он пожелает. Сам указ говорил о «детях и потомках», а приложенная к нему присяга не указывала даже родства: «кого похотят учинить наследником, то в их величества воли да будут». Отмена вековой традиции и отсутствие четких правовых норм приводили

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru